

Андрей Буторин

Вишни и скрипичный ключ

«Издательские решения»

Буторин А.

Вишни и скрипичный ключ / А. Буторин — «Издательские решения»,

В третьем из шести тематических сборников фантастических рассказов, объединенных общим названием «БутАстика», писатель-фантаст Андрей Буторин предлагает читателям произведения, представляющие поджанр «юмористическая фантастика».

Содержание

От автора	6
Стеклянные бусы	7
Сорок пфустингов	17
Особые приметы	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

**Вишни и скрипичный ключ
БутАстика – 3. Юмористическая
фантастика. Рассказы**

Андрей Буторин

Инопланетяне

*Вы лысые, с зеленой кожей,
Глаза навывкат, без бровей.
Но самый ужас – это, боже!..
Вы так похожи на людей!*

(Стихи автора)

© Андрей Буторин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

От автора

Мысль сделать сборники моих рассказов появилась у меня давно. Я начал писать фантастику в 90-х годах прошлого века, и, как водится, сначала это были рассказы. Но и позже, когда были написаны и изданы произведения крупной формы, рассказы я тоже вниманием не обделял. Что-то возникало спонтанно, в результате «творческого озарения», что-то писалось для конкурсов, таких как «Рваная грелка», «КолФан» и пр., что-то создавалось специально для журналов и сборников.

Кстати, о журналах и сборниках. В них на сегодняшний день опубликовано более тридцати рассказов. Это такие журналы как «Если», «Техника-молодежи», «Знание-сила: Фантастика», «Юный техник» и другие, менее известные, в том числе и зарубежные. В итоге мои рассказы увидели свет в таких странах как Россия, Великобритания, Канада, Израиль, Латвия, Украина и США.

Однако я не стал делить рассказы для задуманных сборников на те, что уже опубликованы (есть такие, что и не единожды), и на те, что так еще и не видели свет. Не думаю, что факт публикации автоматически делает текст лучше. Мало того, я даже оставил все рассказы в первоначальном виде, без той переработки, что требовали некоторые издания. Единственное, что я позволил себе, это еще раз сделать вычитку и провести минимальную редактуру с позиции моего нынешнего опыта, а также реалий сегодняшнего дня.

Произведения наверняка неравноценны по стилистике, уровню подачи материала, занимательности сюжета и прочим литературным параметрам, ведь писались они в разное время – и когда я еще только начал приобщаться к литературному творчеству, и когда приобрел уже какой-то опыт. Тем не менее, я не стал делить их по признаку новые-старые, потому что все они для меня родные дети, с каждым что-то связано, каждый чему-то меня научил. Не стал я и сортировать их по датам написания, посчитав, что это вовсе не самое главное.

Я провел деление по другому принципу. Хотя все рассказы принадлежат любимому мною жанру фантастике, но тематика у них очень разная; она представляет такие поджанры как фантастика научная, юмористическая, любовная, проза для детей и юношества, мистика-ужасы, сюрреализм... В связи с тем что рассказов накопилось много, порядка восьмидесяти, и все они представляют перечисленные выше направления, я решил сделать не один, а несколько сборников – каждый по своей тематике. Объединяет их придуманное мною название «БутАстика»; потому что это Буторин Андрей, и потому что это фантастика.

Третий из шести задуманных сборников посвящен юмору. Разумеется, не просто юмору, а юмористической фантастике. Наверное, не все рассказы покажутся вам смешными, но я очень надеюсь, что хотя бы один из них заставит вас улыбнуться.

Приятного чтения, дорогие друзья! Жду ваших отзывов.

Искренне ваш,
Андрей Буторин

Стеклянные бусы

Циферки и буквы, таблицы и диаграммы всё ползли и ползли по сгустившемуся в плоский экран воздуху. По кругу. Раз уже, наверно, в пятнадцатый. Но останавливать круговерть информации и Корусу, и Редилу было лень. Не хотелось ничего делать ни тому, ни другому. Разочарование, апатия, досада и ещё десятка два подобных определений висело в рубке маленького кораблика с диссонирующим моменту названием «Счастливчик».

– Ну что? – полусонно спросил Корус.

– Я так и знал, – поморщился Редил. – Я так и знал, что ты скажешь своё дурацкое «ну что».

– Такое же моё, как и твоё, – буркнул Корус. – Или ты можешь сказать что-то более конструктивное?

– Могу, – Редил наконец-то щёлкнул пальцами, выключая информаторий. – Убираться отсюда надо.

– А можешь сказать – куда? – Корус пошевелил бровями, похожими на двух мохнатых гусениц, пытаясь изобразить любопытство. Получилось плохо. Потому что он и сам знал ответ. Даже два его варианта: один непристойный, а второй – «домой».

Редил выбрал непристойный. Корус поморщился:

– А на меня фыркаешь за безобидное «ну что»!

– Всё, хватит! – Редил выполз из кресла, превратившегося тут же в искрящуюся пыль, и поплёлся к мембране. Мембрана чпокнула, открывая овал в переборке. – Я собираюсь сейчас выпить, затем отоспаться, а потом лететь домой. Ты как?

– Найти альтернативу первым двум пунктам я еще могу, а вот насчёт третьего – сложновато...

– Оставайся здесь, – плечи Редила устало качнулись. – Планета – просто рай!

– Не надо ёрничать, – Корус тоже поднялся. Атомная пыль дематериализовавшегося кресла обволокла его радужным коконом. – Что там у тебя первым пунктом?..

После пятой банки пива Корусу стало немного легче. Редил же, допив шестую, принялся задумчиво мурлыкать. Тональность мелодии была минорной, но сам факт пения уже дарил некоторые надежды. За восемь лет сотрудничества с Редилом, Корус определил для себя эту нехитрую примету. Если напарник поёт – в его мозгах что-то зреет. Не всегда удобоваримое, но почти всегда – оригинальное.

– И-инфо! – икнув, сказал Редил и щёлкнул пальцами. Воздух перед ним загустел и превратился в экран. – Кодекс мировых законов, закон о колонизации населённых планет! – Пальцы щёлкнули снова. – Читай! – это уже относилось к Корусу. – Внимательно. Можно вслух. И-ик!

– Включи доктора, – поморщился Корус. – Разыкался тут...

– Не хочу трезветь, – снова икнул Редил. – Читай!

– С начала?

– Пункты пять, шесть, семь... И-ик! – Редил открыл новую банку и принялся ожесточённо глотать пиво, надеясь побороть икоту.

– Пункт пять, – вздохнул Корус, фокусируя взгляд на экране. – Категорически запрещается колонизация планет, имеющих негуманоидные формы разумной жизни. Пункт шесть. Колонизация планет, имеющих гуманоидные формы разумной жизни допустима только при безоговорочном согласии на то руководителей правительств всех государств и (или) глав других общественно-социальных формаций, находящихся на колонизируемой планете. При этом категорически исключается силовое, психологическое или иное давление на означенные

выше лица. Пункт семь. В случае выполнения пункта шесть настоящего закона, колонизация планеты не должна включать в себя вмешательство во внутренние дела имеющихся на планете государств и (или) других общественно-социальных формаций, кроме случаев, несущих непосредственную угрозу существованию цивилизации планеты.

– Ну что? – спросил Редил. Икать он наконец-то перестал.

– Ага! – точёные ноздри Коруса злорадно трепыхнулись. – Тебе «нучтокать», значит, можно!

– Моё «ну что» – по делу! – припечатал Редил пустой банкой о стол. И стал открывать следующую.

Корус воздержался от комментариев и тоже открыл новую банку. А еще распечатал паке-тик с солёными орешками и аппетитно захрустел, сплёвывая скорлупки в клубящееся облачко поглотителя.

– Что ты молчишь? – спросил, вытирая с губ пену, Редил.

– Что тут говорить? – две мохнатые гусеницы над глазами Коруса непристойно склеи-лись. – Пункты шесть и семь можно было не читать.

– Ха-ха-ха! – откинулся в кресле Редил и забарабанил тонкими пальцами по раздувше-муся брюху. – Я так и знал, что ты это скажешь!

– Всё-то ты знаешь наперёд, – колыхнулся Корус, и в животе его булькнуло. – Ты про-сто ясновидящий у нас. Но ты, наверное, забыл, кто там, внизу? Может быть, братья наши по образу и подобию? Правда, с хоботами, венником глаз, кенгурячьими ногами и клешнявыми ручками в три ряда!

* * * * *

Похожую на рай планету возле заброшенного на самые задворки Галактики жёлтого кар-лика, Редил с Корусом нашли на самой, что называется, точке возврата. Энергии хватало как раз на прыжок к Земле. Не улыбнись в последний момент удача, колонизаторскую деятель-ность напарников можно было признавать несостоявшейся. Тем более, и срок лицензии через четыре года заканчивался. Прыжок к Земле отнимал половину этого времени (для самих путе-шественников – мгновение, но по земным часам именно два года, а срок лицензии считали как раз на Земле). Даже найдя сразу деньги для полной заправки «Счастливчика» (что само по себе выглядело крайне сомнительным), оставшихся двух лет никак не хватило бы на полно-ценный поиск! А уж найти средства для покупки новой лицензии... Только на гашение креди-тов за первую, по самым скромным подсчётам, при условии, что повезёт устроиться работать хотя бы простыми пилотами в компанию среднего класса, уйдёт лет тридцать-тридцать пять. Как раз успеет осточертеть и космос, и сама непутёвая жизнь.

И вот он – шанс! Как на блюдечке! Замечательная планета земного типа возле похо-жей на Солнце звезды. Масса – девяносто процентов земной, кислородная атмосфера (восемь-десят процентов азота, полтора – углекислого газа, один – прочих газов, не доставляющих неудобств человеческому организму), умеренный климат на всей территории за исключением полюсов, богатая растительность, животный мир не блещет разнообразием, зато полностью отсутствуют хищники и, что не менее приятно, насекомые. Разумная раса – одна, строй – пер-вобытнообщинный, но достаточно развито сельское хозяйство, особенно животноводство, чис-ленность населения – порядка полумиллиона особей. Не имея естественных врагов, не испы-тывая капризов погоды и прочих природных катаклизмов, аборигены не жили на райской планете в полное своё удовольствие. Они приручили единственное на планете крупное мле-копитающее – аналог земных овец, – и жили теперь припеваючи, не утруждая себя даже охо-той. Выращивали несколько видов фруктовых растений, несколько – злаковых, в прибрежных

районах – изредка ловили рыбу. И то больше ради спортивного интереса, поскольку еды и без того хватало вдоволь.

И лишь один минус числился в пассиве этой благословенной идиллии... Жирный такой минус, сочный, перечеркивающий все надежды и мечты новоиспеченных колонизаторов напрочь. Не являлись разумные обитатели планеты гуманоидами, даже в самом смелом приближении. А значит, согласно пункту пять «Закона о колонизации населённых планет», следовало поворачивать не оправдавшему имени «Счастливчику» восвояси. Категорически и безапелляционно!

* * * * *

Пиво уже не лезло. Не приносящее более лёгкости опьянение начинало раздражать. Корус включил личного доктора. Невидимые глазу нанороботы принялись за грязную работу по очистке организма. Через пару минут в голове прояснилось. Ещё через пять Корус почувствовал себя заново рождённым. Жаль, что нельзя было с помощью нанотехнологий так же легко и быстро избавиться от главной проблемы.

Оказывается, Редил думал иначе. Он ткнул изящным пальцем в сторону напарника, когда тот закончил «лечение».

– Вот! – сказал он. – Вот именно!

Мохнатые гусеницы Коруса расплозились в стороны.

– Что? – спросил он. – Что «вот»? И что «именно»?

– Ты можешь запрограммировать доктора так, чтобы он перестроил геном нечеловека в человеческий? Или как это там у вас называется...

– У кого – у нас? – не сразу въехал в суть вопроса Корус.

– Ты же учился на микробиолога? Нет? – излучающий самодовольство Редил сцепил холёные пальцы и подался вперёд.

– Да, – машинально ответил Корус, взявшись за кончик тонкого носа. – погоди, ты хочешь... Редил, ты спятил! Это пахнет для нас стиранием личности! – Корус вытянул руки, словно намереваясь схватить напарника за грудки.

Редил задвигал широкими ноздрями:

– Пахнет... пивом, хвойным ароматизатором... Стиранием личности... нет, не пахнет. Но вот от кого-то из нас пахнет глупостью!

– Вот-вот! – опустил руки Корус. – Я даже знаю, от кого.

Редил повернулся к экрану, на котором висели строки «Закона о колонизации населённых планет». Прокрутил текст к началу, картинно выпучил глаза, пробегая ими строчку за строчкой, дошёл до конца, вновь вернулся к началу...

– Я не могу найти! – развёл он руки театральным жестом, должным, видимо, изображать недоумение. – Помоги мне, Корус! Я не могу найти пункта, по которому нам грозит стирание личности. Я даже не могу найти ничего, за что бы нам полагался хоть малюсенький штраф. Может, ты найдёшь? Прошу!

– Да хотя бы пункт шесть, – даже не стал смотреть на экран Корус. – ...категорически исключается силовое, психологическое или иное давление...

– Давление?! – очень натурально сыграл удивлённого Редил. – Я что-нибудь говорил о давлении?

– Перестройка генома, по-твоему, не давление?

– Нет. Мы никому ничего не будем навязывать. Мы даже встречаться ни с кем не будем; не будем вступать в контакт, не будем грозить, уговаривать, плакать, валяться в ногах. Мы не нарушим ни одного крохотного пунктика, ни одной буковки, ни одной запятой или точки закона. И пусть моя шкура пойдёт на барабан этим милым туземцам, если я в чём-то не прав!

Если никто не додумался до этого раньше, то мы-то здесь чем виноваты? – Музыкальные пальцы Редила легли на стол, словно на клавиатуру рояля. Еще немного – и зазвучат торжествующие аккорды.

Гусеницы Коруса сошлись на переносице, неприязненно обнюхивая друг друга. Он начал сдаваться:

– И... как же ты собираешься осуществить это на практике?

– Посылка. Подарок. Хочешь – бери, не хочешь – выбрасывай. Всё исключительно добровольно.

– Вряд ли их заинтересует доктор. Да и не умеют они с ним обращаться.

– Всё проще простого! – видя, что напарник почти на его стороне, Редил воодушевился. – Что больше всего ценили земные дикари, не считая, разумеется, огненной воды?

– Яркие тряпки, ножи, стеклянные бусы... – начал перечислять Корус, полностью уже подпавший под влияние напарника, почти гипнотическое в своей убеждённости.

– Вот именно, бусы! Стеклянные бусы! О, как ты прав, Корус! – непонятно было, издевается Редил или радуется искренне. – Доктора мы создадим в виде бус! И он будет уже включён. Самое главное – запрограммировать нанороботов на постоянное воспроизводство самих себя и на поиск новых объектов для «лечения». Они будут передаваться от аборигена к аборигену через слюну, сперму, даже через рукопожатие, если таковое у них практикуется. И каждого дикаря они будут превращать в человека! Разве это не благородно, мой друг? – Глаза Редила заблестели. Казалось, ещё немного, и из них покатятся скупые мужские слёзы.

– Сколько же нам понадобится этих... э-э... бус? – Корус перестал сомневаться. Гусеницы заняли своё обычное положение и лишь слегка подрагивали.

– Давай посчитаем, что получится, если их будет, скажем, пять тысяч... – Редил потёр руки. Тонкие пальцы затрепетали.

Воздух сгустился и затвердел в форме небольшого октаэдра – Корус вызвал вычислитель. Редил продолжал разминать пальцы, словно готовясь к исполнению сложной партитуры, пока напарник пичкал вычислитель данными, обрамлял их вводными, расчленял условиями, шинковал циклами и формовал процедурами.

– Год, – оторвался, наконец, Корус от вычислителя. – Почти год, плюс-минус месяц.

– Прекрасно! – пальцы Редила сыграли в воздухе долгожданную мелодию, слышимую только им. – Для полной гарантии мы подождём два года. В случае неудачи у нас как раз останется время для возвращения и сдачи лицензии. Но я уверен, что это нам не потребуется. Да, и вот ещё что! – Редил понюхал зачем-то пивную банку. – Надо не просто превратить аборигенов в людей, надо сделать так, чтобы они нас любили. Обожили! Чтобы они согласились на колонизацию с радостью. Зачем нам лишние проблемы?

* * * * *

Посылок было пять. В каждой – по тысяче бус. Можно было бы сделать и больше, но дублирование сжирало очень много драгоценной энергии. Да и зачем больше, когда и этого хватало за глаза!

Пять беспилотных зондов, подобно хищным торпедам, вылетели из «Счастливчика» и нырнули в атмосферу, прочертив ее бурными рыхлыми лентами.

Единственный материк планеты жёлто-зеленой пятиконечной кляксой купался в теплом, тёмно-синем океане. К каждому из пяти «отростков» этой кляксы и направились зонды, красиво разойдясь звездой в стратосфере.

Старый пастух Тохун мирно дремал, свесив хобот до самой земли. Запах трав и цветов делал его сон сладким и спокойным. Тохуну не стоило беспокоиться о стаде – внучка

Афана помогала деду. Для неё удовольствием было прыгать по бескрайнему лугу, так похожему на океан, о котором часто рассказывал дед. Овцы вели себя смиренно, и не думая разбегаться. В основном, сытые и ленивые, они лежали в густой траве, изредка её пощипывая, иногда, столь же лениво и неспешно поднимались, делали пару десятков шагов и снова ложились. Чтобы немножко развлечься, Афана порой специально пугала овец, прыгая в их сторону и трубя хоботом. Не очень громко, впрочем, чтобы не разбудить деда. Овцы пугались, но тоже лениво, словно делая одолжение Афане. Не подскакивали, а медленно вставали и, грузно покачивая жирными телесами, трусили в сторонку, где шагов через десять снова падали в траву.

Афане становилось скучно. Она собралась уже разбудить деда, когда услышала тихий свист, идущий, казалось, с самого неба. Афана замотала глазами и шире расправила перепонки ушей. Свист нарастал, превращаясь в рокочущий гул камнепада. Афана увидела, как белая полоса вырастает на ярко-синем небосводе. И направлялась эта полоса прямо к ней! Афана вобрала глаза в складки кожи и рухнула на траву, выставив к небу клешни.

Овцы тоже забеспокоились: завозились, запряли ушами, тревожно захрюкали. Теперь они испугались по-настоящему. Лень уступила место инстинкту самосохранения. Страх победил сонливость. Животные вскочили, задирая морды; побежали неуклюже, толкаясь и падая.

Проснулся Тохун и кинулся было за овцами, но, глянув вверх, замер. Хобот непроизвольно скрутился спиралью, но пастух поспешил развернуть его снова, устыдившись трусливого жеста. Он поднял живой горн навстречу опасности, и затрубил, как ему казалось, грозно и гневно, а на самом деле – тревожно и жалобно. И грохот смолк, покотившись над лугом отголосками эха. Тохун торжествуя поднял все шесть рук и победно защелкал клешнями. Он всё ещё смотрел в небо, не замечая, как в трехстах шагах позади тает радужной пылью обугленный шар.

Когда наступила тишина, Афана, боясь пошевелиться, осторожно вытянула над травой стебелёк одного глаза. Казалось, вырос ещё один цветок среди миллионов собратьев, но, в отличие от них, настороженный и любопытный. Он увидел, как искрится над лугом, разрываемое ветерком, маленькое облако. Совсем не опасное и даже красивое. Афана вынула из складок остальные глаза, подняла их как можно выше. Увидела грузно прыгающего к ней деда и только тогда встала.

– Я думал, тебя уже нет, – спокойно сказал Тохун. Это спокойствие далось ему с трудом, но негоже выставлять напоказ эмоции перед юнцами.

– Я есть! – Афана хоботом обвила шею деда. Юнцам не возбранялось выказывать чувства.

– Будь здесь, я посмотрю, что там, – сказал дед, излишне нежно, на его взгляд, сбрасывая хобот внучки. И вперевалку заковылял к месту, где ещё недавно лежал чёрный шар.

То, что увидел Тохун, поразило его в оба сердца. Посреди выжженного в траве круга румянилась спелая тапта! Большая, в пол его роста. Такой огромной тапты Тохун не видывал за всю свою долгую жизнь! И уж того, чтобы тапты падали с неба не видел вообще никто, никогда.

Тохун осторожно коснулся тапты клешней. Слегка ударил. Ударил ещё, сильнее. Раздражённо мотнул хоботом. Никакая это была не тапта! У настоящей тапты кожа жёсткая, но не как камень. А у этой, с неба, каменная, не иначе. От ударов клешни не осталось даже царапин! Что теперь делать с каменной таптой?

Тохун с досадой шлёпнул хоботом по бесполезному фрукту. Тапта загудела. Тохун отпрыгнул. Хобот его вновь стал загибаться спиралью, но старик быстро опомнился. Завёл назад пару глаз. Вроде бы внучка не видела...

Тапта продолжала гудеть. Вверху, по кругу, пробежала трещина. Верхняя часть тапты съехала, словно крышка с горшка, и упала в траву. Стало тихо.

Пастух подошёл ближе. Протянул один глаз к срезу. Осторожно глянул вовнутрь. Переливчатый блеск, полоснувший по глазу, заставил Тохуна отпрянуть. Но, в то же время, сердца

его учащенно забили от восторга. Подобную красоту Тохун видел лишь на ночном небе, но до звёзд никто не мог дотянуться, а теперь они лежали здесь, рядом! Кто же сбросил им с неба звёзды?!

Тохун погрузил хобот в тапту. Прохладные гладкие шарики приятно шекотали кожу. Пастух вынул хобот и увидел, что кольцо сверкающих звёздочек повисло на самом его кончике.

– Это бусы! Это бусы из звёзд! – затрубил Тохун, водружая небесный подарок на шею. – Афана, скачи скорее сюда! Ты только посмотри, как это прекрасно!

Старик никогда ещё не был столь многословен. Сейчас он не думал о том, что нужно скрывать перед внучкой эмоции. Они кипели в нём, клокотали и бурлили, выплёскиваясь через край. Ведь он держал звёзды! И скоро он – он, Тохун! – сможет подарить звёзды всему племени!

Прискакала Афана и завизжала так, что дед свернул перепонки ушей. Благо это не являлось позором. Он смотрел, не пряча нежности, как пляшет вокруг открытой тапты внучка; он радовался за её радость, он наслаждался её восторгом.

Афана надела на себя сразу трое бус, ещё одни нацепила на шею деда. Ей хотелось сейчас поделиться ещё с кем-нибудь невиданной радостью и красотой. И тогда, зачерпнув хоботом сразу с пару десятков бус, Афана запрыгала к овцам, уже оклемавшимся от недавнего испуга и по-прежнему сонно жующим траву. Как всегда, лениво и неохотно поднимались животные на ноги, а скачущая между ними внучка пастуха украшала шеи любимцев звёздными подарками.

* * * * *

В камерах воспроизведения сгущались радужные облака атомов, формируя тела Редила и Коруса. Запоминающее устройство скачивало в воссозданные мозги сознание. Нанотехнологии, освоенные землянами полтора века назад, не знали ошибок и сбоев.

Первым из камеры выскочил Редил. Подбежал к камере Коруса и нетерпеливо задубасил в мембрану:

– Копаешься, как всегда! Не выспался за два года?

Корус и правда казался сонным.

– Не люблю умирать, – сказал он, раскрыв мембрану. – Даже временно.

– Теперь мы будем жить долго и счастливо, – пообещал Редил.

– И умрём в один день!.. – буркнул Корус.

– По-моему, тебе не все мозги закачали, – скривился Редил.

Корус не отреагировал на остроту напарника. Потрепал шёрстку гусеницам и произнёс:

– У меня плохое предчувствие.

– Скажи ещё, приснился дурной сон, – хихикнул Редил.

Напарник вновь проигнорировал шутку. Гусеницы нерешительно чмокнули друг дружку.

– Пойдём-ка, посмотрим, что мы натворили, – вздохнул Корус.

Редил поморщился:

– Поменьше траура, мой друг. Планета – у наших ног!

Вновь бежали по экрану буквы и циферки, схемы и графики...

Не дожидаясь окончания сводки, Корус и Редил мотанулись друг к другу, едва не треснувшись лбами.

– Там люди! – рявкнул, оскалившись, Редил.

– Получилось!.. – Гусеницы Коруса доползли до середины лба. – Но их на треть меньше, чем было аборигенов...

– Ерунда! – рокотал Редил. – Плевать! Быть человеком непросто! Кто не справился – я не виноват!

– Раз, два, три, четыре, пять – мы идём искать! – наконец-то и Корус заразился оптимизмом напарника.

Завтракали молча и быстро, мысленно находясь уже на своей – своей, чёрт возьми! – планете. Запрыгнули в шлюпку, салютовали «Счастливику» и отбыли. Атмосфера планеты мягко приняла их в объятия. Напарники витали в облаках, во всех смыслах.

– Как мы её назовём? – томно зажмурился Редил.

– Рекор... Коред... – начал прикидывать Корус.

– Фу! – замахал Редил изящными пальчиками. – Так даже собак не называют. Давай назовём её Счастливая Бусина!

– Неплохо, – согласился напарник. – Тут и «Счастливчик» наш будто б причём.

Шлюпка мягко качнулась. Редил возложил тонкую ладонь на плечо Коруса:

– Как сказал кто-то из пионеров космоса: «Приехали!»

К шлюпке бежали вооружённые копьями люди – шесть человек в набедренных повязках, с разрисованными красным и черным лицами.

– Смотри, как колоритно, – обернулся к Корусу Редил. – Просто настоящий вестерн!

– По-моему, они нам не рады, – попятился к шлюпке Корус.

Аборигены и впрямь вели себя если не воинственно, то настороженно. Не добежав метров тридцать до шлюпки, они сбавили шаг, растянулись редкой цепью и, выставив копья, стали окружать колонизаторов.

– Наверное, они нас не узнали, – предположил Редил и шагнул вперёд, размахивая высоко поднятыми руками: – Эй-ей! Мы свои! Мы друзья!

– Хм... – задумчиво молвил Корус. – А откуда бы здесь взяться чужим? И тем более – врагам? Мы с тобой ничего не проспали?

– Просто они стали людьми, – шепнул Редил. – А люди по натуре своей существа недоверчивые.

Туземцы приближались. Их пристально-цепкие глаза сверкали уже так рядом, что Корус при желании мог бы произвести иридодиагностику. Но вот взгляды Коруса и аборигена встретились, и дикарь повалился на колени, распластав руки по траве.

– Стойте! – закричал он соплеменникам, не поднимая головы. – Это они! Те, кого мы любим!

Со всех сторон послышался стук падающих копий, колен, рук и лбов. Отовсюду раздавалось протяжное:

– Мы вас лю-у-у-бим! Мы вас лю-у-у-бим!..

– Ого! – удивился Редил. – Они говорят по-нашему?

– Ну, уж об этом-то я позаботился, – сказал Корус. – Сам же говорил: зачем нам лишние проблемы?

– Не будет ли у нас проблем с излишней любовью? – почесал Редил затылок.

– Лишней любовь никогда не бывает, – философски изрёк Корус. Он вышел вперёд и крикнул: – Приветствуем вас, свободный народ Счастливой Бусины! Мы, люди Земли, пришли к вам с миром! Поднимитесь с колен, мы – ваши братья!

– Ну, ты даёшь, – заплодировал Редил. – Аж мурашки по коже.

– Здесь нет насекомых, – буркнул Корус, а туземцам сказал, отбросив пафос: – Ведите нас, ребята, к вождю.

Открывшийся с лесистого пригорка вид на стойбище аборигенов заставил напарников присвистнуть. Пять-шесть десятков низеньких хижин окружал сплошной частокол наклонённых наружу острых брёвен.

– Ну, вы даёте! – сказал Редил. – На планете же нет никого, кроме вас. Или уже между собой успели поцапаться? Во, люди! На пару лет вас нельзя оставить.

Шестёрка дикарей залопотала что-то, оправдываясь, но Редил устало отмахнулся:

– Ничего, скоро мы наведём здесь порядок.

Аборигены счастливо заулыбались.

– Мы вас лю-у-у-бим! – завели они старую песню.

– Очень хорошо, очень, – сказал Редил. – Мы вас тоже любим. Правда, Корус?

Корус кивнул. Но мохнатые гусеницы как сцепились на его переносице, так и не думали расползаться. Им всё это не нравилось. Очень.

Зато вождь Корусу понравился. Редилу – тоже. Симпатичный, мускулистый парень лет двадцати пяти сам вышел навстречу из невысокой, но самой крупной в стойбище, бревенчатой хижины. Двое из тех, кто первыми встретил землян, оставили группу перед селением и успели сообщить вождю радостную весть. Поэтому он еще издали крикнул:

– Мы вас любим! – И по-хозяйски добавил: – Наши жилища – ваши жилища!

Подошёл, с почтением, но без подобострастия поклонился, прижав к груди руки. На шею его блеснула тройная ниточка стеклянных бус.

Редил удовлетворённо хмыкнул и огляделся. Из неуклюжих халуп выползали туземцы и подходили к хижине вождя. На некоторых поблескивали бусы. И все монотонно тянули: «Мы вас лю-у-у-бим!»

– Давай, говорун, – подтолкнул Коруса Редил. – Ответное слово.

– Уважаемый вождь! – не заставил себя упрашивать Корус. – Вот мы и прилетели. Ура!

– Моё имя – Урпур, – вновь поклонился вождь. – Прошу вас в моё жилище. Моё жилище – ваше жилище!

Отведав местных плодов и вяленой рыбы, запив нехитрую снедь перебродившим соком тапты, новоявленные колонизаторы перешли к делу.

– Дорогой Урпур, – начал Редил. – Всё было очень вкусно, спасибо.

– Мне жаль, что не я не смог угостить вас подобающим образом, – опустил голову вождь. – Вот раньше...

– Не надо извиняться! – перебил аборигена Корус. – Нам и правда всё очень понравилось.

– А теперь мы хотим спросить тебя, вождь великого племени, – Редил придал голосу значительности, – не против ли ты, чтобы мы поселились на вашей планете? Чтобы, как ты говоришь, ваша планета стала нашей планетой?

– Что такое планета, великий Редил? – поднял голову вождь. – Я не против отдать её вам, если только вы мне её покажете.

– Планета, это то, где вы живёте, – принялся объяснять Корус. – Не только это стойбище, эти луга, этот лес, – Корус развёл руками, – а всё, ещё дальше, то, что за этим лесом, за этой рекой...

– Там очень плохо, – насупился вождь. – Очень опасно. Там живут...

– Да неважно, кто там живёт! – перебил Редил. – С ними мы тоже договоримся. Ты за нас не переживай. Скажи, вот ты, именно ты, согласен, чтобы всё это стало нашим? Ты только не бойся, мы вас не тронем, не обидим. Наоборот, помогать будем, всему научим...

– Неужели великие Редил и Корус думают, что мне для них чего-нибудь жалко?! – аж затрясся от обиды Урпур. – Ведь мы же так вас любим!

– Прекрасно! – Редил вынул из нагрудного нанопланшета два экземпляра типового договора. – Кстати, мы назвали вашу планету Счастливая Бусина. Вы не против?

– Прекрасное имя! – воздел руки вождь.

– Замечательно, – Редил вписал в текст название, поставил внизу размашистую подпись, дал расписаться Корусу. – А великий вождь умеет писать?

Урпур стыдливо потупился.

– Ничего, – похлопал его по плечу Редил. – Достаточно отпечатка пальца. Спасибо... И на втором экземплярике тоже... Ага! Благодарю. Этот – вам... Предлагаю отметить! Сок этой... как её... тапки не так уж плох.

Хлопнув еще по кружке сока, напарники заметно повеселели и засобирались в дорогу.

– Ну, нам пора, – сказал Редил, крепко пожимая руку вождя. – Надо облететь все племена. Что поделаешь – закон. Мы чтим его до последней буквы.

– Но там так опасно!.. – закатил глаза вождь.

– Да не переживай ты за нас, Ур! – улыбнулся Редил, а Корус отчего-то поёжился.

Прежняя шестёрка аборигенов проводила колонизаторов до пригорка. Впереди, в полукилометре, не дальше, поблёскивала в лучах местного солнца шлюпка.

– Ладно, ребята, идите домой, – сказал Редил. – Что вы будете ноги стаптывать? Мы и сами теперь доберёмся.

Туземцы, до сей поры напряжённо озиравшиеся по сторонам, облегчённо вздохнули. Так, по крайней мере, показалось Корусу.

– А чего вы так боитесь-то, кстати? – Редил тоже заметил реакцию аборигенов.

Дикари переглянулись.

– Овцы, – сказал один с дрожью в голосе.

– Страшные овцы! – добавил другой, округляя глаза.

– Ням-ням! – щёлкнул зубами третий.

– У-у-у, ребята, – протянул Редил. – С вами всё ясно. До свидания, не болейте, слушайтесь вождя!

Дикари низко поклонились, провыли: «Мы вас любим!» и быстренько скатились с пригорка. Только пятки засверкали.

– Слушай, ты чей геном взял за основу? – повернулся к напарнику Редил. – Свой, что ли? Чего они трусливые-то такие? Если уже и овец боятся...

Корус не стал отвечать. Давешнее дурное предчувствие накатило с новой силой. А затем буквально накрыло волной. Ударной. Потому что впереди – там, где полторы секунды назад стояла шлюпка, сверкнуло, полыхнуло до небес, и черно-бурый гриб-великан вырос над полем.

Напарников сразу смело с пригорка. Это-то их и спасло, поскольку основная волна прошла поверху, направляясь к стойбищу. Деревянные халупы дикарей подпрыгнули, половина из них раскатилась по бревнышку, частокол завалился набок, но выстоял. Аборигены, как муравьи, заметались между руин, издали были слышны их причитания и стоны.

– Ничего себе! – затряс головой Редил. – Что это?

Корус уже поднялся на ноги и пристально всматривался вдаль, туда, где за заброшенным полем начинался лес.

– Не что, а кто, – спокойно сказал он. Преувеличенно спокойно. Потому что предчувствия его оправдались, и никаких неожиданностей можно было уже не бояться.

От леса, через поле, стремительно приближалась туча. Серая туча, топчущая и ревущая. У Коруса подломились ноги. Он сел рядом с Редилом, спиной к спине. Бежать куда-либо всё равно было бессмысленно.

Туча перестала быть тучей, и смотреть на неё расхотелось сразу. Более уродливых существ, составлявших её массу, ни Корус, ни Редил не видели ни наяву, ни во сне.

Сначала Корус подумал, что их просто затопчут, и закрыл глаза, приготовившись к быстрой и лёгкой смерти. Но рёв и топот стали вдруг затихать и затихли очень скоро; стало слышно лишь разгорячённое дыхание тысячи глоток да клцанье зубов Редила, ходившая ходуном спина которого сотрясала Коруса из стороны в сторону. С неохотой Корус разлепил веки.

В трёх шагах от него замерла живая стена тварей. Овцами их назвать можно было лишь с большой натяжкой, да и то лишь за грязные клячья витой шерсти, уродливыми кустами покрывающие розоватые бока и спины. Все четыре ноги каждой овцы были человеческими, а из передней части туловища свешивались маленькие рудиментарные ручки. Но самой отвратительной частью существ была голова. Мерзкий морщинистый череп украшали рожки, совсем маленькие, какими их часто рисуют у чертей. Под широким выпуклым лбом слезились блёклые, старческие глазки. Широкий, но вполне человеческий нос плавно переходил в вытянутые губастые челюсти. И запах! Тошнотворный запах мочи, пота, фекалий и чего-то ещё, не менее мерзкого, шёл от овец равномерным потоком. Корус почувствовал, как трясущаяся спина напарника содрогнулась в рвотных спазмах. Сам он сдерживался из последних сил. И, наверное, не удержался бы, но тут он увидел такое, отчего забыл и про запах, и про внешний вид тварей – обо всём на свете забыл!

Корус отчаянно застучал локтями по спине напарника. Редил обессилено повернулся. Корус молча ткнул пальцем на ближайшее к ним существо. Редил вздрогнул и показал на вторую тварь, стоящую рядом. Напарники замерли, вперив взгляды на шеи животных. На шеях блестели бусы. Стекланные бусы стекляннй надежды. Такой же прозрачной и хрупкой.

Обе овцы, словно польщённые вниманием, сделали шаг вперёд. Зловонная масса за ними качнулась и приблизилась тоже, замыкая кольцо вокруг колонизаторов.

Четыре пары глаз встретились.

– Мы вас любим, – ощерилась первая овца крупными жёлтыми зубами.

– Мы вас просто обожаем! – облизнулась вторая.

Сорок пфустингов

– И почему мы сегодня такие веселые? – Жена стояла у порога в обычной при моем появлении стойке: руки в боки, и без того малюсенькие глазки прищурены, брови нахмурены и нос по ветру. Принюхивается то есть. Дескать, не пьян ли. Хотя пью, а точнее – выпиваю, я настолько редко, что это принюхивание не более чем ритуал. Как и все прочее тоже. Я ведь примерный семьянин. Серьезно, кроме шуток! И жена это прекрасно знает. Но даже это ее отчего-то злит. Ну и ладно! Я давно уже привык, внимания почти не обращаю. Тем более сегодня, когда такая история приключилась...

– Чего? Чего ухмыляешься? – еще больше нахмурилась жена. Ей всегда плохо, когда мне хорошо. И когда у меня настроение хорошее, она начинает злиться.

– Видишь ли, я тебя продал, – не переставая улыбаться, выпалил я. Понимая, что выгляжу действительно глупо. Но улыбка намертво приклеилась ко мне – скорее всего, от нервного потрясения. Губы свело.

– Ты пьян?! – вплотную придвинулась жена, а ее широкий нос, похожий на пороссячий пятак, так и заходил вверх-вниз, раздувая ноздри. Ну, впрямь как у свиньи. Так и ждешь, что сейчас захрюкает! И мысли-то у нее свинские: чуть что – сразу «пьян», на большее фантазии не хватает.

– Я абсолютно трезв. – Мне наконец-то удалось привести губы в более-менее горизонтально-параллельное положение. – Но я тебя продал.

– Почему? – спросила жена. Я даже не удивился, что это заинтересовало ее в первую очередь. Не «кому?», не «зачем?», не «как?», а именно «почем?». Впрочем, она тут же добавила: – Кому ты меня продал? Ваське, что ли? Он давно на меня пялится... И как это – «продал»? Я что, корова? Или это у вас теперь шуточки такие?

Мне очень захотелось ответить, что она скорее свинья, чем корова. Впрочем, кто из них троих (включая жену) умней, еще можно поспорить. И про Ваську захотелось сказать, что пялится он на нее не из обожания или вожделения, а скорее от удивления и испуга. Но я ответил честно и по порядку:

– За сорок пфустингов. Инопланетянину. На полном серьезе. – Про Ваську я опустил.

– О-ох! – Жена разочарованно махнула рукой, отвернулась и побрела в комнату.

Меня это почему-то разозлило.

– Ты что, не веришь?! Пойдем, я тебе покажу! Там, в парке, стоит летающая тарелка. А я мимо шел, и инопланетяне мне предложили сделку. А пфустинги – это их валюта такая, инопланетная.

Из комнаты донесся визг (один-в-один пороссячий!), а потом вопль:

– Миша! Что это там?!

Я влетел в комнату. Трясущийся палец жены показывал на окно. Я посмотрел и увидел, как над крышами соседних домов поднимается в хмурое небо серебристый диск.

– Вот это она как раз и есть, – спокойно ответил я. – Тарелка. Та самая.

– И ты им меня продал? А почему они тогда улетают?

– А им еще в пару мест смотаться надо. На обратном пути тебя заберут. Лет через пятьдесят, сказали, по земному времени.

– Но я же тогда уже старенькая буду... – смутилась жена. – Мне уже будет... лет шестьдесят, наверное...

Я даже не стал смеяться. Все равно не поймет. Но не удержался и все-таки ляпнул:

– Значит, я – растлитель малолетних.

– Че-е-его?!

– Ну... тебе же десять лет сейчас. А я с тобой сплю.

– Твои шутки, Михаил, отдают пошлостью! – гордо выдала жена и отвернулась. Но тут же вспомнила, с чего начался разговор и подпрыгнула ко мне, засветившись любопытством. – А они какие из себя? Зеленые? Страшные?

– Да нет, – пожал я плечами. – Обычные. Только лысые и ростом метра два с половиной.

– Ого! – засверкали глаза жены. – Лысые, говорят, сексуальные очень... – Она спохватилась и затараторила притворно-равнодушно: – Ну и что, что мне будет шестьдесят... И в шестьдесят многие очень прилично выглядят. Еще неизвестно, какие у них женщины, может, тоже лысые и толстые как коровы!

– Зина, о чем речь, – поддакнул я. – Ты будешь у них «Мисс Вселенная»! – Я не стал уточнять, что в восемьдесят пять лет (я-то считать еще умею) она сможет стать разве что «Мисс деревня Пердуны».

– А почему мисс? – всполошилась жена. – Я ведь замужем! – В голосе ее слышалось явное разочарование.

– Потому что я вряд ли проживу пятьдесят лет, – успокоил я Зинку. – Так что ты будешь совершенно свободна!

Жена радостно вспыхнула.

– А почему они захотели купить именно меня? – игриво вздернула она пороссячий носик.

– Ну, им нужна была особа женского пола, – стал перечислять я (на самом деле пришелец сказал «самка»), – умная (в оригинале прозвучало «не обремененная интеллектом»), стройная (тут я почти не покривил душой, было сказано «не выше одного метра шестидесяти сантиметров, не более центнера весом»), симпатичная (это я уже добавил от себя).

А еще я не стал добавлять, что взгляды на женскую красоту у разных рас, оказывается, отличаются очень сильно.

Жена зарделась еще больше.

– Я и не думала, что ты у меня такой... справедливый и благородный... Спасибо! – Тут ее «пяточок» даже слегка покраснел и зашмыгал, а глаза заблестели влагой.

– Ну, ну... – приобнял я жену. – Не стоит... Я сказал правду, только и всего.

– Миша, а ты действительно к тому времени уже умрешь?

– Постараюсь, – честно ответил я. До девяноста, конечно, некоторые дотягивают, но я на это никогда не рассчитывал.

Но жену увлекла уже другая тема:

– А сорок этих... ну как их... пф... пфунтов...

– Пфустингов, – подсказал я.

– Да-да, пфустингов, это много?

– Они сказали, что на сорок пфустингов можно купить, например, космическую яхту, или астероид средних размеров, или вот... инопланетную красотку. – Увидев немой вопрос, вспыхнувший в глазах жены, кивнул: – Или красавца.

– Ух ты! – задохнулась от возбуждения жена. – Что же мне купить? Яхту? Или... или красавца? – Она тут же, оправдываясь, залепетала, вцепившись мне в руку: – Ну, ты же сам сказал, что уже умрешь!

– Да нет, ничего, – осторожно отцепил я от себя Зинкины пальцы. – Только при чем здесь ты? Это ведь я тебя продал.

– Ты хочешь сказать, что забереешь деньги себе?! – задохнулась от возмущения Зинка. – Но зачем тебе инопланетная валюта?! Что ты купишь на нее на Земле?!

– Да я, собственно, уже купил... У тех же инопланетян.

– Что?!

– Не «что», а кого, – хмыкнул я и направился в прихожую.

Я распахнул входную дверь:

– Заходи, Зинилимайлла!

Особые приметы

Честно говоря, меня эта погоня начала раздражать. Никогда я еще не тратил на поиски своих «подопечных» столько времени и сил. К тому же, будь это достойный противник, не так было бы обидно. А то ведь – шушера мелкая, жулик простой... Ну, не совсем простой, иначе я бы за ним не гонялся. Неуловимый, так сказать, жулик, чем он меня и зацепил. Он мое самолюбие поддел своей неуловимостью и безнаказанностью, а я этого не люблю.

Я ведь его даже не видел ни разу – ни вживую, ни на изо. Как-то умудрялся он не светиться перед объективами. Имелись у меня лишь его так называемые «особые приметы»: раса, рост, примерный возраст – плюс-минус сто лет – и, что особенно меня тронуло, – цвет волос и глаз... Приметы, так-то и растак!..

Да, было у него, конечно, имя. Даже несколько: Федя-мышь, Бэтфед, Федосик...

Вот и ловил я этого Федосика третий уж год подряд. Пару раз даже на хвост наступал, но тот, как у ящерицы, отрывался.

И вот, похоже, загнала себя мышка в ловушку! Занесла Федю нелегкая (тешу себя мыслью, что именно я в нее воплотился) в негуманоидный сектор Галактики, да еще в ту его часть, где обитаемых планет на сотню кубических парсеков – ровно одна штука. Причем такая, где земляне были от силы раза три. И то, насчет трех раз я, возможно, погорячился. Но один раз – точно, поскольку в информик планета внесена: название, условия, население и прочие данные. Между прочим, с населением там – настоящий винегрет. Только коренных – так сказать, местного разлива, – пять разумных видов! И столько же пришлых. Последнее меня особенно удивило: планета черт-те где вертится, а вот ведь – словно медом намазана!

Зато порадовала меня находчивость тамошних разноязыких жителей: сварганили они над всей планетой этакое инфополе, при котором можно говорить на родном языке, а собеседники воспримут его как свой собственный. То же и с письменностью: видишь незнакомые закорючки, а в мозгу уже «высвечивается» адекватный перевод. Поле выполняло, разумеется, и обширные информационные, а также коммуникационные функции – очень удобные, ведь для пользования ими ничего, кроме мозгов, не требовалось. Правда, лишь местных мозгов – на гостей планеты информационно-коммуникационные услуги не распространялись. Но и доступный всем «переводчик» – это очень здорово, к чему мне десять языков в черепушке на один лишь (надеюсь) случай в жизни? Правда, гипник вдолбить их в башку может за пару минут, а вот стереть потом удастся не всегда. А если и удастся, то порой с такими побочными эффектами... Однажды я имя подружки забыл. Неделю потом «побочный эффект» под глазом носил, так-то и растак! Зачем мне это? Впрочем, к делу сие не относится.

Называлась планета на местных наречиях для гуманоидного уха совсем уж невосприимчиво и для языка непроницаемо... Так что информик предложил на выбор сто пятьдесят шесть вариантов названий для гумов. Мне лень было читать весь список; я ткнул наугад и попал в «Шмяккк». Что ж, очень мило, многообещающе даже.

И последнее, что мне в этой планетке понравилось – синее небо. Не люблю я красные, оранжевые, или там желтые небеса – под ними как-то неуютно и тревожно; зеленые, а паче того пастельные – расслабляют; серые – навевают тоску; фиолетовые – гнетут; синие же – самое то, под ними я – в своей тарелке.

Как я узнал, что Бэтфед на Шмяккке, не скажу – служебная тайна. Но он был здесь, точно, я убедился в этом сразу, лишь вышел под ярко-синее небо из корабля. Нюх старой ишейки, или, если хотите, внутреннее чутье, меня очень редко подводит.

Разумеется, у меня имелась собственная тактика дальнейших поисков, и все же я решил для начала посетить местное полицейское управление, или как там оно у них называется. Во-первых, на чужой территории никогда не помешает поддержка коллег, а во-вторых, существуют же, так-то и растак, нормы вежливости! М-да, лучше бы меня воспитали невежей...

Чтобы добраться до местной полиции, я выбрал метро – так, во всяком случае, «высветилось» в моем мозгу название, свисающее в виде неопрятной рыжей бороды с крыши пурпурного дырчатого куба возле игольчатой розетки космопорта. Знать бы заранее, что это за метро... Но я не знал и полез в одну из дыр – скорее, нору. В норе дурно пахло, была она тесной, плохо освещенной, непонятно извилистой... Но это были еще цветочки! Поезд оказался гигантским червем, ползающим по более широким и длинным норам. Причем пассажиров он элементарно заглатывал, а на конечной станции... ну, сами понимаете. Про попутчиков своих вообще говорить не буду – я только что плотно пообедал (тогда же, к счастью, мой желудок был совершенно пуст). Но как бы то ни было, до полицейского управления я добрался и вскоре уже заходил в торчащий огрызок широченной трубы, его олицетворяющий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.